

УДК 347.63

DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-11-70-74

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ, РОДИВШИХСЯ ОТ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

Н.П. Пригода, Г.А. Абдысатарова, И.И. Тезекова

Аннотация. Вспомогательные репродуктивные технологии на сегодняшний день шагнули далеко вперед в своем развитии и позволяют преодолеть разного рода ограничения на пути к возможности иметь ребенка. Институт суррогатного материнства представляет собой сложный предмет изучения и регулирования, поскольку касается не только медицинских и правовых вопросов, но и затрагивает этические нормы. В результате анализа доктринальных положений и действующих нормативных правовых актов в настоящей статье выявлены существенные недостатки и правовые пробелы в регулировании порядка установления происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью, и на этой основе сформулированы обоснованные предложения, направленные на совершенствование соответствующего законодательства и устранение выявленных коллизий.

Ключевые слова: суррогатное материнство; вспомогательные репродуктивные технологии; установление происхождения детей.

СУРРОГАТ ЭНЭДЕН ТӨРӨЛГӨН БАЛДАРДЫН КЕЛИП ЧЫГЫШЫН АНЫКТООДОГУ УКУКТУК КӨЙГӨЙЛӨР

Н.П. Пригода, Г.А. Абдысатарова, И.И. Тезекова

Аннотация. Жардамчы репродуктивдик технологиялар бүгүнкү күндө тездик менен өнүгүп, адамдарга ата-эне болуу жолундагы ар кандай тоскоолдуктарды жеңүүгө мүмкүндүк берүүдө. Суррогаттык энелик институту – бул медициналык жана укуктук маселелерден тышкары, этикалык нормаларды да камтыган татаал изилдөө жана укуктук жөнгө салууну талап кылган багыт. Доктриналык жоболор менен колдонуудагы нормативдик укуктук актыларды талдоонун жыйынтыгында, ушул макалада суррогат эне төрөгөн баланын келип чыгышын аныктоо тартибин жөнгө салуудагы олуттуу кемчиликтер жана укуктук боштуктар аныкталып, бул багыттагы мыйзамдарды өркүндөтүүгө жана аныкталган коллизияларды жоюуга багытталган негиздүү сунуштар иштелип чыкты.

Түйүндүү сөздөр: суррогаттык энелик; жардамчы репродуктивдик технологиялар; балдардын келип чыгышын аныктоо.

ISSUES OF ESTABLISHING THE PARENTAGE OF CHILDREN BORN TO A SURROGATE MOTHER

N.P. Prigoda, G.A. Abdysatarova, I.I. Tezekova

Abstract. Assisted reproductive technologies have made significant progress in recent years, allowing individuals to overcome various barriers on the path to parenthood. The institution of surrogacy represents a complex area of study and regulation, as it encompasses not only medical and legal issues but also touches upon ethical standards. As a result of the analysis of doctrinal provisions and the applicable normative legal acts, this article identifies significant shortcomings and legal gaps in the regulation of the procedure for establishing the parentage of a child born to a surrogate mother. Based on this analysis, well-founded proposals have been formulated aimed at improving the relevant legislation and eliminating the identified inconsistencies.

Keywords: surrogacy; assisted reproductive technologies; establishment of the parentage of children.

За последние несколько десятков лет репродуктивная медицина шагнула далеко вперед, и суррогатное материнство, будучи способом разрешения проблем с деторождением у бесплодных пар, уже не является новшеством.

В этой связи законодатель не может оставаться безучастным и определяет правила, регулирующие использование этого метода в Кыргызской Республике (далее по тексту – КР). Эти правила содержатся как в нормативных правовых актах, регулирующих оказание медицинской помощи, так и в семейном законодательстве, поскольку именно оно имеет дело с правовыми последствиями использования метода суррогатного материнства для всех участников этих правоотношений.

Так, ст. 2 Семейного кодекса КР (далее по тексту – СК КР) [1] определяет суррогатное материнство как зачатие, вынашивание и рождение ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями.

Если с самим определением данного понятия имеется ясность, то установление происхождения детей, рожденных от суррогатной матери, все-таки вызывает некоторые споры в научном дискурсе. Так, в теории семейного права ставятся и отдельно освещаются вопросы следующего характера: кто является матерью ребенка – женщина, выносившая и родившая, или та, кто предоставила свою яйцеклетку и с кем был составлен договор суррогатного материнства? С какого момента “заказчица” услуги суррогатного материнства может считать себя матерью ребенка? А что касается генетического отца, как он оформляет свои права на отцовство? Эти и другие вопросы требуют анализа и поиска решений.

Наиболее сложной и дискуссионной проблемой в контексте применения вспомогательных репродуктивных технологий, в частности суррогатного материнства, выступает юридическое определение материнства. Согласно традиционному и казавшемуся ранее бесспорным правовому принципу *mater semper certa est* (мать всегда известна), юридически матерью признаётся женщина, родившая ребёнка. Однако в условиях использования суррогатной программы данное правило утрачивает свою универсальность,

поскольку между гестационной (выносившей и родившей ребёнка) и генетической (биологической) матерью возникает правовая конкуренция. Это обстоятельство порождает существенную правовую неопределённость, а также требует комплексного подхода к установлению происхождения ребёнка, учитывающего не только юридико-догматические, но и этические, религиозные и социокультурные аспекты.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению вопроса о правовом аспекте установления происхождения детей, рождённых в результате применения технологии суррогатного материнства, представляется необходимым предварительно определить содержание самого понятия “происхождение детей” в юридическом контексте.

В научной доктрине под происхождением детей традиционно понимается установление биологической (кровной) связи между конкретными лицами (мужчиной и женщиной) и ребёнком [2, с. 205].

На протяжении длительного периода времени в юридической науке преобладала единая концептуальная позиция, согласно которой определяющим критерием для установления происхождения являлся именно факт кровного родства между ребёнком и предполагаемыми родителями [3, с. 60].

С внедрением и развитием вспомогательных репродуктивных технологий в правовую доктрину была привнесена новая модель, в рамках которой происхождение ребёнка перестало трактоваться исключительно через призму биологического (кровного) родства [4, с. 171].

Согласно позиции ряда современных исследователей, юридическое установление происхождения ребёнка может основываться не только на факте генетической связи с родителями, но и на признаваемой законом социальной связи, формирующейся в результате волеизъявления сторон и отражающей намерение к осуществлению родительских функций, в том числе в рамках договора суррогатного материнства [5, с. 20].

Согласно ст. 54 СК КР [1], лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного

оплодотворения или на имплантацию эмбриона (в том числе другой женщине), в случае рождения ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей актов гражданского состояния. Однако не во всех странах постсоветского пространства все так однозначно.

Так, ч. 4 ст. 54 СК КР [1] закрепляется приоритет прав и законных интересов генетических родителей ребёнка, рождённого с использованием суррогатного материнства. Отечественный законодатель прямо предусматривает, что супруги, выразившие в установленной форме (посредством письменного согласия) волеизъявление на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона (в том числе в организм иного лица), в случае рождения ребёнка в результате указанных методов признаются его родителями и подлежат внесению в запись акта гражданского состояния в качестве отца и матери. Дополнительно ч. 3 ст. 55 СК КР [1] закреплено, что факт государственной регистрации родителей ребёнка, рождённого в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, исключает возможность последующего оспаривания их отцовства или материнства, тем самым обеспечивая правовую стабильность юридического статуса ребёнка.

Законодатель Российской Федерации (далее по тексту – РФ) реализовал иную нормативную модель правового регулирования, при которой приоритет в вопросе установления родительства в отношении ребенка, рождённого в результате суррогатного материнства, предоставляется женщине, осуществившей вынашивание. Так, в соответствии с ч.ч. 4 и 5 ст. 51 СК РФ [6], лица, предоставившие согласие на имплантацию эмбриона в целях вынашивания и рождения ребёнка, могут быть зарегистрированы в качестве его родителей лишь при наличии письменного согласия суррогатной матери.

Нормативное закрепление данного императивного условия свидетельствует о том, что российский законодатель, несмотря на договорный характер правоотношений между генетическими родителями и суррогатной матерью, принимает во внимание вероятность возникновения прочной биопсихоэмоциональной связи между

женщиной, осуществившей гестацию, и новорождённым, что, в свою очередь, обуславливает необходимость обеспечения дополнительных гарантий её прав и интересов.

Следует отметить, что указанная законодательная конструкция сопряжена с потенциальными правовыми рисками, заключающимися в возможности её недобросовестного использования со стороны суррогатной матери. Предоставление ей исключительного права на выражение согласия в целях государственной регистрации генетических родителей в качестве юридических родителей новорождённого может фактически трансформироваться в инструмент давления или злоупотребления, позволяя ей произвольно распоряжаться реализацией правовых последствий, вытекающих из договора суррогатного материнства.

Однако в любом случае, поскольку роды и последующее эмоциональное состояние матери являются непредсказуемыми, интересы генетических родителей могут быть защищены лишь в частноправовом порядке, опосредованном гражданско-правовым договором о суррогатном материнстве.

Ответственность за неисполнение договора, как известно из гражданского права, может заключаться в уплате неустойки, штрафа, взыскания штрафа, возмещения убытков и (или) морального вреда пострадавшей стороне. Однако, в случае отказа суррогатной матерью отдать ребенка генетическим родителям ребенка, “заказчики” услуг суррогатной матери не смогут отнять своего генетического ребенка силой, что в последствии выливается в судебное разбирательство. В такого рода судебных разбирательствах возникнет сложность в разрешении такого спора судом. Каковы шансы генетических родителей оспорить действия суррогатной матери своего генетического ребенка – вопрос открытый.

Полагаем, что предоставленная семейным законодательством императивная норма об исключительной привилегии суррогатной матери решать вопрос наделения генетических родителей родительскими правами через запись в актах гражданского состояния представляет собой широкую тему для полемики между научным

сообществом и законодателем. Данное обстоятельство может привести к нарушению даже самых основных конституционных прав и свобод генетических родителей, в частности принципов свободы выбора, равенства и справедливости [7, с. 55].

Единственным правовым механизмом, способным обеспечить должную защиту прав и законных интересов сторон договора суррогатного материнства, представляется предварительная государственная регистрация указанного договора в органах, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния.

Данная модель предполагает, что супруги, письменно выразившие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине с целью его вынашивания, подлежат внесению в качестве родителей ребёнка в запись акта о рождении.

Подобное нормативное нововведение предполагает необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений не только в СК КР [1], но и в Закон Кыргызской Республики “Об актах гражданского состояния” от 1 августа 2020 года № 110 [8] посредством закрепления специального правового института, отражающего приоритет генетического родительства при определении происхождения ребёнка.

В этом контексте представляет научный интерес обращение к зарубежному опыту, в частности – к нормативной модели, действующей в Великобритании. Там процедура установления происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью, осуществляется на основании специального судебного акта (parental order), который выдается при соблюдении следующих условий:

- 1) мужчина и женщина находятся в зарегистрированном браке или ином признанном законом партнёрстве;
- 2) для создания эмбриона были использованы генетические материалы обоих супругов;
- 3) заявление о выдаче судебного приказа подаётся в пределах установленного срока – не позднее шести месяцев со дня рождения ребёнка;
- 4) имеется добровольное письменное согласие суррогатной матери на передачу родительских прав [9].

Такой вариант тоже мог бы быть решением данного спорного вопроса. Отечественному и российскому законодателю было бы полезно обратиться к зарубежному опыту и быть открытым для нововведений.

Таким образом, установление происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, довольно щепетильный и тонкий вопрос, где имеет место быть и правовая, и этическая неоднозначная дилемма, требующая разрешения законодателем. С одной стороны, существует договор суррогатного материнства, в котором все условия, права и обязанности сторон расписаны в рамках закона. Однако, с другой стороны, та эмоциональная связь между суррогатной матерью и ребенком от природы естественна и непреодолима, прерывание этой связи влечет существенный стресс для суррогатной матери. Но несмотря на это приоритет защиты интересов все-таки, по-нашему мнению, должен быть на стороне генетических родителей ребенка, рожденного от суррогатной матери.

Поступила: 14.05.2025;

рецензирована: 28.05.2025; принята: 30.05.2025.

Литература

1. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года № 201 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327/edition/1163855/ru> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ / Л.М. Пчелинцева. М.: Норма, 2000. 696 с.
3. Кузнецова И.М. Семейное право: учеб. для студ. сред. проф. образования, обуч. по спец. “Правоведение” / И.М. Кузнецова. М.: Юрист, 1999. 118 с.
4. Антокольская М.В. Семейное право: учеб. для вузов по напр. и спец. “Юриспруденция” / М.В. Антокольская. М.: Юрист, 2002. 336 с.
5. Тригубович Н.В. Правовые отношения детей и родителей: учебное пособие для студ. ист. ф-та спец. “Юриспруденция” / Н.В. Тригубович, О.А. Чаусская, Л.В. Пулявская. Саратов: Научная книга, 2004. 136 с.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Информационная правовая система Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 25.04.2025).
7. Подкорытова О.В. Субъективные права и законные интересы в семейном праве Кыргызской Республики / О.В. Подкорытова // Вестник КРСУ. 2007. Т. 7. № 10.
8. Закон Кыргызской Республики “Об актах гражданского состояния” от 1 августа 2020 года № 110 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112094/edition/1260197/ru> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Суррогатное материнство: юридические права родителей и суррогатных матерей // Официальный сайт Правительства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/legal-rights-when-using-surrogates-and-donors/become-the-childs-legal-parent> (дата обращения: 04.05.2025).